

Persia in the K. Paustovsky's Artistic Picture of the World

Sivova Tatyana Viktorovna¹

Assistant Professor, Grodno State University named after Yanka Kupala,
Grodno, Belarus.

(date of receiving: March, 2018; date of acceptance: October, 2018)

Abstract

This paper is focused on the main features of perception and visualization of the space of Persia in the artistic picture of the world by Paustovsky, a famous Russian Soviet writer, the linguistic description of the spatial picture of the world which represents a significant research lacuna. As a result of the research 1) representation of the individual model of the Persian space, in which cultural space dominates; 2) Persian toponymic works and its functionality are described; 3) features of the author's visualization of the Iranian space are revealed: which consist in the complexity of spatial characterization; in the use of a wide coloristic range; regular interaction of color and light characteristics; tendency to intensify the reality perception. The main attention is focused on the essential interrelation of coloristic, spatial and temporal characteristics in creating the imagological image of Persia, illustrating the functioning of the color chronotope.

Keywords: Art Picture of the World, Space, Time, Iran, Persia, Idiostyle, K. Paustovsky.

1. E-mail: sitavi@tut.by

Персия в художественной картине мира К.Г. Паустовского

Сивова Татьяна Викторовна¹

Старший преподаватель, Гродненский государственный университет им. Янки
Купалы,
Гродно, Республика Беларусь.

(дата получения: март 2018 г.; дата принятия: октябрь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей перцепции и визуализации пространства Персии в художественной картине мира К.Г. Паустовского, выдающегося русского советского писателя, лингвистическое описание пространственной картины мира которого представляет собой значительную исследовательскую лауну. В результате исследования: 1) выявлена индивидуально-авторская модель персидского пространства, в котором отмечено доминирование пространства культуры; 2) описаны персидский топонимикон произведений и функциональность топонимов; 3) выявлены особенности авторской визуализации иранского пространства, которые заключаются в комплексности пространственной характеристики; в использовании широкого колористического диапазона (более 40 цвето- и светолексем); во взаимодействии колористической и световой характеристик; в обусловленной романтическим мировоззрением писателя тенденции к интенсификации восприятия действительности. Особо подчёркивается иллюстрирующая функционирование цветового хронотопа существенная взаимосвязь колористической, пространственной и темпоральной характеристик в создании имагологического образа Персии.

Ключевые слова: Художественная Картина Мира, Пространство, Время, Иран, Персия, Идиостиль, К.Г. Паустовский.

1. E-mail: sitavi@tut.by

Введение

Саади делил человеческую жизнь на три равных части. Первые тридцать лет человек должен, по словам поэта, приобретать познания, вторые тридцать лет – странствовать по земле, а свои последние тридцать лет отдать творчеству, чтобы оставить потомкам, как выразился Саади, «чекан своей души» (Паустовский 1983а. 149)

Значимость пространства в художественной картине мира выдающегося русского советского писателя, мастера художественного слова Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968 гг.) не подлежит сомнению. И это обусловлено не только объективным фактором: пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения (на уровне слова, структуры предложения), что позволяет классифицировать восприятие пространства как «одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком» (Гак 2000. 134), но и субъективным: на протяжении всей жизни К.Г. Паустовский был неутомимым путешественником, посетил многие страны мира, запечатлел их в автобиографической прозе. Вместе с тем лингвистическое описание пространственной картины мира писателя представляет собой значительную исследовательскую лакуну и открывает широкие перспективы для лингвистов (Сивова 2013; 2017).

Пространство Ирана, значимый фрагмент пространственной картины мира К.Г. Паустовского, попало в фокус внимания литературоведов. Так, Н.Ю. Никитина рассмотрела пространственно-временную структуру рассказа «Пыль земли Фарсистанской», отражающую реалистическое мировосприятие писателя, подчеркнув вместе с тем особую метафоричность повествования, которая корректирует реалистичность художественного мира рассказа (Никитина 2013. 57).

Предметом данного лингвистического исследования являются особенности перцепции и визуализации пространства Персии в художественной картине мира К.Г. Паустовского, материалом – собрание сочинений в 9 т.¹ (Паустовский 1981; 1982; 1982а; 1982б; 1983; 1983а; 1984; 1986), а также не вошедший в собрание, рассказ «Пыль земли Фарсистанской» (Паустовский 2003).

Основная часть

Количество лексем, репрезентирующих персидское / иранское пространство, а также количество их словоупотреблений свидетельствуют о значимости Персии в пространственной картине мира писателя. Проанализировано более 140 контекстов, содержащих лексемы с персидской пространственной семантикой (подаются в порядке убывания с указанием количества словоупотреблений): *персидский* 30; *Персия* 18; *Саади* 15; *фарсистанский* 11; *Арарат* 10; *перс* 9; *Араке* 8; *Фарсистан* 5; *иранский* 4; *Тавриз*, *Шираз* 3; *Иран*, *Мосул*, *ширазский*, *Эль-Бабе* 2; «*Тезкират*», *бабид*, *Бассора*, *Гафиз*, *Джунаид-Хан*, *Керманишах*, *Маку*, *мидяне*, *Омара Хаям*, *по-персидски*, *Тегеран*, *тегеранской*, *фарси*, *Хороссан*, *шах-ин-шах*, *Энзели* 1.

Анализ лексической сочетаемости ядерных лексем позволил выявить особенности перцепции и визуализации данного пространства в художественной картине мира К.Г. Паустовского. Имагологический образ

1. Т. 1: романы «Романтики», «Блистающие облака», повесть «Кара-Бугаз»; Т. 3: повесть «Золотая роза»; Т. 4–5: гексалогия «Повесть о жизни»; Т. 6: рассказ «Лихорадка»; Т. 7: очерки и литературные портреты «В тысячелетней пыли», «Где нашли золотое руно», «Живописная Болгария», «Муза дальних странствий», «Несколько слов о Бабеле», «Погоня за растениями», «Подводные ветры», «С берегов Куры»; Т. 8: статьи и выступления «Неистовый Винсент», «Большой человек» К 50-летию рождения М. Горького; Т. 9: «Молодым писателям»; письма Е.С. Загорской 14 декабря 1915 г., 1 апреля 1916 г., М.Г. Паустовской, 17 декабря 1923 г., Р.И. Фраерману, 9 октября 1941 г., С.М. Навашину, 12 декабря 1943 г., Н.Н. Никитину 18 января 1946 г.

Персии в произведениях писателя во многом опосредован личным опытом пребывания в стране: *Но мне не давала покоя «муза дальних странствий», и я, пробыв два года в Одессе, переехал в Сухум, потом – в Батум и Тифлис. Из Тифлиса я ездил в Армению и даже попал в северную Персию* (Паустовский 1981. 40); *Из Тифлиса я ездил в Баку, в Муганскую степь, в Армению (Александрополь, Эривань, Джульфу) и в Персию (Тавриз). Впечатление от этой поездки у меня осталось громадное, на всю жизнь* (Паустовский 1986. 65).

1. Анализ лексической сочетаемости лексемы *персидский* (30 словоупотреблений) свидетельствует об актуализации её во всех значимых пространствах исследуемых произведений. Выделение пространственных плоскостей осуществлялось с опорой на теорию В.Г. Гака, согласно которой пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга (*человек – дом – страна – мир*) (Гак 2000. 127). Художественное пространство произведений и индивидуально-авторское восприятие писателя обуславливают особую модификацию персидского пространства, в которой доминирует:

– пространство культуры, творчества: *персидский поэт Саади; старинный персидский поэт Саади; густые персидские краски; персидские художники; персидская майолика; лубочная персидская сказка; персидское изречение; персидский язык; персидский ковёр*. В контексте: *«Склонись к зеркалу души своей, и ты испытаешь наслаждение. Душа твоя, окрылённая любовью, смирится и вознесётся к далёким вершинам, где правда светоносными руками сорвёт покрывало с твоего разума». Я могу думать об этом персидском изречении часами, находя в нём всё новую глубину* (Паустовский 1981. 67); *Она [роспись] была сделана персидскими художниками по заказу квартиранта Зданевичей – персидского консула в Тифлисе, жившего здесь до меня* (Паустовский 1982б. 359), за ним по ранжиру

– пространство человека: *персидские дети; персидские пограничники; два персидских купца; персидские люстриновые халаты; медные персидские монеты*. В контексте: *Нищенка подошла, переливаясь жёлтыми юбками, красным корсажем, синим платком, бренькая десятками медных персидских монет, пылая смуглым и нежным лицом* (Паустовский 1981. 335), а также: *За столом в уют-компании сидят персы с добрыми глазами, морщат лица, гортанно смеются и пьют чай с изюмом* (Паустовский 1981. 96), в равной степени

– пространство природы: *кожа персидского апельсина; персидские апельсины; персидские горы*. В контекстах: *За окном мальчишки кричали: «Вороны яйца, вороны яйца» и подкидывали красные и горькие, как хина, персидские апельсины* (Паустовский 2003. 88) и

– пространство истории: *персидская секта вождя Эль-Баба; персидский консул в Тифлисе*. В контексте: *Из всех сект он [Розовский] выделял революционную, по его словам, персидскую секту вождя Эль-Баба, так называемых «бабидов»* (Паустовский 1982б. 359), а также: *И, глядя на бронзовый барельеф Грибоедова, слушая в тишине и пустынности плеск воды в церковном фонтане, читая стёртые строки о том, что Грибоедов «убит в Тегеране генваря 30 дня 1829 года», я вспомнил, какая это древняя земля, покрытая тысячелетней пылью* (Паустовский 1983а. 61); *Будущее, как история мидян, темно и непонятно* (Паустовский 1986. 190),

– пространство страны: *персидский берег; персидский караван-сарай*. В контексте: *На персидском берегу на крыше низкого глинобитного дома стояли голые персидские дети, и солнце блестело на их коричневых животах, как на маленьких медных котлах* (Паустовский 1982б. 389).

Таким образом, модель иранского пространства может быть представлена в виде иерархии *культура – человек – природа – история – страна*.

2. Персидский топонимикон произведений К.Г. Паустовского включает следующие топонимы: *Персия, Арарат, Аракс, Фарсистан, Тавриз, Шираз,*

Иран, Мосул, Бассора, Керманишах, Маку, Тегеран, Хороссан, Энзели. Доминирующую позицию занимает топоним *Персия* 18, который широко используется писателем для моделирования пространства:

– страны / мира: *Помню Джульфу, где за железнодорожным мостом была уже Персия <...>* (Паустовский 1982б. 391); *Каждую зиму гибло несколько зверобойных артелей – кошей. Их относило на льдинах в море, в сторону Персии* (Паустовский 1981. 417); *До революции Розовский ездил в Турцию и Персию, чтобы изучить Восток на месте* (Паустовский 1982а. 553);

– истории: *Вы знаете, я читал... вот в этих, значит, местах... через Колхиду проходила великая дорога в Индию... это её остатки... Она шла через Нахарский перевал на Дербент, потом через Персию... Здесь богатые города были...* (Паустовский 1981. 299); *Басмачи ушли в Персию, и снова безмолвие вернулось на наши берега* (Паустовский 1982б. 523);

– природы: *Тепличный ветер долетал от берегов Персии, как из открытого на ночь окна цветочного магазина. Он приносил запах растёртых пальцами листьев ореха, тяжёлой листвы и сырых песков* (Паустовский 1981. 495); *Фарсистан, Персия, где бормочет холодная вода среди сизых туютовых стволов* (Паустовский 2003. 79);

– творчества: *В то время я только что окончил повесть под нарядным названием «Пыль земли Фарсистанской». Название это казалось мне очень заманчивым, хотя было неправильным. Дело в том, что действие повести происходило на крайнем севере Персии (я там был очень недолго), а Фарсистаном называется как раз южная часть страны. Там я никогда не был. Но звучность этого слова – «Фарсистан» – так мне понравилась, что я пренебрёг точностью и сдвинул название с юга на север. Я успокаивал себя тем, что персидский язык называется «фарси» и потому все области страны, где говорят на этом языке, можно называть Фарсистаном* (Паустовский 1982б. 457);

– человека: *Он [Чачиков] любил рассказывать о своём детстве, проведённом якобы в Персии, в городе Мосуле* (Паустовский 1982б. 285). Интерес вызывает случай пересечения трёх пространственных плоскостей в рамках одного предложения [творчества, человека, страны]: *Поэтому я так много пишу о тоске, о себе, о Персии и оттягиваю время...* (Паустовский 2003. 80).

Ороним *Арарат* 10 занимает второе место в персидском топонимиконе произведений и актуализируется преимущественно в пространстве природы: *Сохнут губы, солоноватые от крови, а в стеклянном дыму ущелий громадной бирюзой застыл Арарат* (Паустовский 2003. 79), а также творчества: *Арарат! Я никак не мог поверить в то, что вижу его воочию. Все мифы древности, все сказки далёких веков были воплощены в этой исполинской горе* (Паустовский 1982б. 387). Пересечение пространственной и темпоральной координаты формирует особый хронотоп произведения: *Вместе с холодным воздухом ворвались в вагон резкость очертаний и чистота красок, – там, снаружи, в древнейшем и девственном небе вздымалась к самому зениту, закрывая весь край земли и половину неба, двугорбая снеговая гора. Это был Арарат* (Паустовский 1982б. 386).

В иранском топонимическом пространстве значим потамоним *Аракс* 8, функционирующий в пространстве природы: *Видели только жаркую и быструю реку Аракс с розовой мутной водой. Вода была окрашена в цвет окрестных гор* (Паустовский 1982б. 388); *<...> в красных скалах шумел мутный Аракс, и нестерпимая жара пустыни дохнула на нас, как из каменной печи* (Паустовский 1983а. 62); повторяется тенденция к пересечению пространственных плоскостей [природы и человека]: *Тоска среди кирпичных гор, где Аракс полощет тёплой водой устои караванных мостов* (Паустовский 2003. 79).

Описывая персидское пространство, К.Г. Паустовский использует и другие топонимы, расширяя таким образом географический диапазон произведений:

Фарсистан 5; Тавриз, Шираз 3; Иран, Мосул, 2; Бассора, Керманишах, Маку, Тегеран, Хороссан, Энзели 1. В контекстах: Есть Тавриз, Тегеран, Шираз, Энзели, – там живут англичане и русские, там машины кричат на дорогах, как этот вонючий верблюд (Паустовский 2003. 80); Я не иду, меня кто-то ведёт, и я знаю, что пути эти правильны и неизменны, как белые ремни караванных дорог из Тавриза в Шираз и дальше в Бассору и Мекку <...> (Паустовский 2003. 80); Ах, ах, ширазские соловьи и розы Хороссана! Ах, Зюлейка, лилия иранских долин! (Паустовский 1981. 437).

3. Имя собственное *Саади* 15, занимающее третье место по количеству словоупотреблений в исследуемых текстах, является знаковым для К.Г. Паустовского (вместе с тем писатель упоминает и других персидских поэтов): *После доклада Щелкунова, после того как я узнал о неведомых арабийских городах, у меня началось увлечение Востоком. Я принялся изучать восточную поэзию. Щелкунов охотно доставал мне книги Саади, Омара Хаяма и Гафиза (Паустовский 1982а. 552).*

К.Г. Паустовский многократно цитирует Саади: *Тот человек, которого не радуют и не волнуют его полотна, или лицемер, или, как говорил персидский поэт Саади, «сухое полено» (Паустовский 1984. 403); Из изречений Саади он [Хоробрых] ценил только одно и часто повторял его топографам: «Если ты идёшь с хромым, то поджимай ногу, чтобы его хромота не была так заметна» (Паустовский 1981. 437).*

Цитаты из произведений Саади специфичны своей полифункциональностью. Так, К.Г. Паустовский с именем Саади:

– соотносит современный творческий процесс: *У иранского поэта Саади есть двустишие: Будь щедрым, как пальма, а если не можешь, то будь // Стволом кипариса – простым и прямым, – благородным. Это двустишие целиком относится к писателям, и в частности к молодым. Писатель в своём творчестве должен быть щедр, прост, смел, благороден (Паустовский 1986. 297);*

– связывает персоналии видных деятелей литературы: *Старинный персидский поэт Саади, чьи песни до сих пор овеяны неумирающей своеобразной прелестью, писал о себе в «Тезкирате»: «Тридцать лет я употребил на скитания. Я коротал дни с людьми всех народов и грелся у многих костров. Я видел частицу великой красоты, наполняющей вселенную. Тридцать лет я употребил на учение и последние тридцать лет – на творчество». Счастлив тот, кто, прожив такую жизнь, оставил потомкам «чекан души своей». Эти слова «сладчайшего» Саади словно сказаны о Горьком, беспокойном скитальце, жаждавшем познать и созидать* (Паустовский 1984. 265);

– проводит параллели с собственным мировосприятием: *Персидский поэт Саади – лукавый и мудрый шейх из города Шираза считал, что человек должен жить не меньше девяноста лет. Саади делил человеческую жизнь на три равных части. Первые тридцать лет человек должен, по словам поэта, приобретать познания, вторые тридцать лет – странствовать по земле, а свои последние тридцать лет отдать творчеству, чтобы оставить потомкам, как выразился Саади, «чекан своей души» <...>. Саади был прав, но в глубине души я думаю, что тридцати лет для странствий по земле – этого всё же мало* (Паустовский 1983а. 149);

– соизмеряет свою личную жизнь [из письма Е.С. Загорской]: *Я могу думать об этом весь день, и со словами Саади сольются образы той забытой девушки-царевны, могилу которой мы видели в Чуфут-Кале, которая умерла, потому что слишком глубоко любила, образы голубей под солнцем у фонтанов, дымчатых морей, повторяя эти слова, я как-то сразу схватываю простую мудрость жизни, всю ослепительность солнца и красоту цветов в твоих руках и небывалую, мучительно-сказочную поэму нашей любви, которая так хороша, что если бы люди создали о ней самые нежные легенды, то даже этим не могли бы передать хотя бы тысячную часть её очарования...* (Паустовский 1986. 37).

4. Индивидуально-авторское восприятие персидского пространства отмечено некоторыми специфическими чертами, повторяемость которых в других произведениях, при анализе других фрагментов пространственной картины мира К.Г. Паустовского, позволяет говорить о них как о чертах идиостиля писателя. Так, к основным особенностям индивидуально-авторского восприятия персидского пространства могут быть отнесены:

– пересечение иранского пространства с другими пространственными плоскостями произведений: [природы] *Аллах иссушил нашу землю на десять локтей в глубину, и даже дождь высыхает, не успевая достигнуть земли. Реки текут под песками, но вода в них горькая, как кожа персидского апельсина* (Паустовский 1981. 487); [искусства, природы] *Качались дубовые кили, и, как персидская майолика, на бронзовых горах бледным пурпуром цвели олеандры* (Паустовский 1983а. 80);

– проведение пространственных параллелей: *Я снова услышал грудной голос, напомнивший мне почему-то польские парки и шум лип на туманных рассветах* (Паустовский 2003. 82); *У него в памяти остались тяжёлые лесные заросли, лиловый дым далёких исполинских гор, известковые стены [иезуитского] монастыря, похожее на персидский караван-сарай, и лёгкая дрожь руки Сесиль, когда он помогал ей садиться в седло* (Паустовский 1983. 29) и установление тождества: *Ты хорошо слушаешь. Есть в тебе, должно быть, фарсистская кровь* (Паустовский 2003. 83);

– широта пространственного диапазона, обусловленная романтическим мировосприятием писателя: *Тогда невольно думаешь, куда только не заносила история простого русского солдата, – от Парижа до Эгейского моря (в Болгарии его зовут Белым морем) и от Керманишаха в Малой Азии до фьордов Норвегии* (Паустовский 1984. 187); *Базар – как персидский ковер – смесь оливковых и тёмных персов, диких горцев в чёрных башлыках, кирпично-бронзовых текинцев, краснорожих весельчаков «кинто», вечно вздыхающих и жарящих каштаны айсоров, красноармейцев в суровых шлемах и тёмно-*

зелёных шинелях, словно высеченных из дикого камня, и забредших сюда «фешенебельных» иностранцев в лакированных туфлях и серых макинтошах (Паустовский 1983а. 60);

– комплексная характеристика иранского пространства [колористическая, световая, аудиальная]: *Ящерица зарылась в красный песок и уснула. Заунывная песнь погонщиков и высокое солнце стоят над землёй, где ночи коротки, как тень птичьего крыла* (Паустовский 2003. 79).

5. Визуализируя персидское пространство, К.Г. Паустовский прибегает к использованию колористической (получившей наибольшую реализацию), световой, аудиальной, одоративной, собственно пространственной, темпоральной характеристик.

5.1. Колористическая характеристика персидского пространства осуществляется с помощью широкого цветового диапазона, включающего имена цвета, согласно классификации Р.М. Фрумкиной (Фрумкина 1984. 54): *синий 13 (синева жгучего неба; клуб синего дыма); жёлтый 13 (жёлтая рука; лица с жёлтыми белками); розовый 10 (розовая пыль; Аракс с розовой мутной водой); чёрный 9 (чёрные переулки; чёрный ковёр неба); зелёный 8 (зелёные глаза; зеленоватое небо); серый 7 (серые дёсны; серый халат); белый 7 (белизна Арарата; белые ремни караванных дорог); красный 6 (красная глина; красные скалы); коричневый 4 (коричневая ладонь); коралловый 3 (коралловый дым персидских гор); багровый 2 (багровый закат); золотой 2 (золотой виноград); рыжий 2 (рыжие пески); бирюзовый 1 (бирюзой застыл Арарат); индиговый 1 (индиговый прорез двери); кирпичный 1 (кирпичные горы); лиловый 1 (лиловые бочки с вином); медный 1 (медь заката); молочный 1 (звёздное молоко); оранжевый 1 (персидскими красками – оранжевой); песчаный 1 (ящерицы песчаного цвета); сизый 1 (сизые тутовые стволы); фиолетовый 1 (фиолетовое лакированное небо); янтарный 1 (янтарное стекло февральского солнца).*

Доминантами колористического пространства Персии становятся *синий, жёлтый, розовый*. Превалирование *синего* обусловлено его широким использованием для создания цветовой характеристики пространства природы (*небесная синева; синие ветры; синим льдом уже горели вершины Главного хребта*); человека (*выбранные до синевы лица купцов; синий, чёрный и жёлтый поток купцов*); дома / страны (*синие от неба тротуары*); творчества (*густые персидские краски – синяя*); религии (*утром она [мечеть] была розовая, днём синяя*), а также темпоральной координаты (*синие дни; ослепительная синяя весна*).

Имя цвета *жёлтый* визуализирует преимущественно пространство человека (*лица с жёлтыми белками; ворчал хозяин, помахивая жёлтой рукой*), природы (*жёлтыми реками ревели реки*), страны (*жёлтая страна*) и темпоральную координату произведения (*дни, жёлтые от солнца*).

Имя цвета *розовый* становится постоянным определением фарсистанской земли: *караванные дороги, покрытые розовой пылью земли фарсистанской; розовая пыль караванных дорог; розовая пыль взбивалась под копытами косматого коня; ящерица зарылась в розовый песок*. В контексте: *Всё во мне, что зовётся душой, кто-то протянул между тонкими пальцами, оцарапал до крови старинным кольцом и, как стебель травы, бросил в розовую пыль караванных дорог тлеть от жара камней, дрожать под копытами сонных верблюдов* (Паустовский 2003. 79).

Колористический спектр персидского пространства расширяется за счёт: а) цветолексем, не входящих в блоки цвета, однако зафиксированных в лексикографии: *снежная белизна Арарата*; б) лексем с корнем *-цвет-*: *бесцветное небо* [рассвет]; *цветные нитки для ковров*; в) лексики изобразительного искусства с семей 'цвет': *резкость очертаний и чистота красок; персидская майолика*; г) лексем, содержащих общую интегральную сему с цветовым признаком имплицитно: *рыжая выкрашенная борода*;

загорелые руки; пёстрые сверкающие страны; мутный, как похмелье, рассвет; смуглые руки; д) лексем со значением интенсивности окраски: *переспелые звёзды;* е) со значением 'утратить цвет': *щётка выгоревшей травы; стенания линяющих верблюдов.* В контексте: *В трещинах исполинских плит, которыми была вымощена дорога, желтела щётка выгоревшей травы и бегали большие ящерицы песчаного цвета* (Паустовский 1982б. 388); ж) с цвето-световым значением: *стеклянный дым ущелий; небо будет лихорадить звёздным ознобом; вымазанный бледным мелом звёзд.* В контексте: *Я сижу у глиняной стены, вымазанной бледным мелом звёзд, и курю* (Паустовский 2003. 80).

Другими чертами цветописи К.Г. Паустовского, проявившимися в создании пространственного образа Персии, являются:

– взаимодействие цветовой и световой характеристик: *В зеленоватом небе висели, касаясь крыши, переспелые звёзды* (Паустовский 1981. 437); *Слова перса взрывались в мозгу нестерпимым огнём на чёрном ковре неба* (Паустовский 2003. 83), динамика цвета и света: *Утром она [мечеть] была розовая, днём синяя, а вечером блестела, как твоё золотое кольцо* (Паустовский 2003. 83);

– создание цветовой зарисовки на основе контраста: *Лишь изредка по чистым скатертям дул ветер, и дым папирасы улетал к хозяину, за чёрную таинственную стойку. Там блестели бутылки, и розовый, золочёный и синий строй чайников напоминал лубочную персидскую сказку* (Паустовский 1981. 279) и гармонии: *В трещинах исполинских плит, которыми была вымощена дорога, желтела щётка выгоревшей травы и бегали большие ящерицы песчаного цвета* (Паустовский 1982б. 388);

– интенсификация восприятия действительности: *выбритые до синевы лица купцов* и обусловленная ею маркировка цветом предметов и явлений, которым не присуща цветовая характеристика: *синие ветры; коралловая теснота гор.* В

контексте: *Зной наливался над городом невыносимым жёлтым соком* (Паустовский 2003. 82);

– изображение отражённого цвета: *синие от неба тротуары; огонь камина проплясал в её зелёных глазах*. В контекстах: *Взошло солнце и дощатые стенки купальни горели багровым пожаром* (Паустовский 2003. 85); *Вода была окрашена в цвет окрестных гор* (Паустовский 1982б. 388).

5.2 Аудиальная характеристика: *Звенел кольцом верблюд, на горах хохотали шакалы <...>* (Паустовский 2003. 90); *Глухо шумела река и под ногой осыпался битый щебень* (Паустовский 2003. 90).

5.3 Одоративная характеристика: *<...> наливались их [карагечей] стволы соками фарсистанской земли, пахучими, как грудь фарсистанских девушек, как запах цитронов, изнурявших мои непрочные лёгкие европейца* (Паустовский 2003. 83).

5.4 Темпоральная характеристика: *<...> в древнейшем и девственном небе вздымалась к самому зениту, закрывая весь край земли и половину неба, двугорбая снеговая гора* (Паустовский 1982б. 386); *В пыли лежали века* (Паустовский 2003. 90); *<...> на своём лице я ощутил розовую пыль земли Фарсистанской, земли прекрасной и исцеляющей своей ветхозаветной силой* (Паустовский 2003. 90). В связи с временной характеристикой отмечаем константную взаимосвязь колористической и темпоральной составляющей: *ослепительная синяя весна; янтарное стекло февральского солнца; дни, жёлтые от солнца; розовый дым заката; багровый закат*. В контекстах: *Ночь стирала со стен последнюю медь заката* (Паустовский 2003. 83), а также ставшую идиостилевой особенностью К.Г. Паустовского взаимосвязь колористической, пространственной и темпоральной характеристик, создающую цветовой хронотоп произведения: *Тянулась древняя жёлтая страна* (Паустовский 2003. 89); *[иранская пустыня] красная глина, крепкая, как камень, где небо легло на горы душистым ковром из синих тысячелетних шелков* (Паустовский 2003. 90); *На всём: на заросших польню могильных*

плитах с затейливой вязью, на караванных дорогах широких, печальных, тонущих в коралловом дыму персидских гор, на коврах, разбросанных в пустынных чайханах, на сожжённых зноем лицах – вы видите розовую тысячелетнюю пыль (Паустовский 1983а. 62).

б. Спектр средств визуализации персидского пространства расширяется К.Г. Паустовским за счёт использования специальных изобразительно-выразительных средств языка (эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений): *звёздное молоко на карагачах; белые ремни караванных дорог; чёрным платком упала ночь; серый халат скуки; громадной бирюзой застыл Арарат*. В контекстах: *Хвала тебе, муслиновый Мосул // Приют моих давно истлевших предков!* (Паустовский 1982б. 285); *Розовая пыль земли фарсистанской, будто бы окрашенная человеческой кровью* (Паустовский 2003. 90); *Осенняя ночь упала чёрным крылом на землю* (Паустовский 2003. 90); *[Арарат] встаёт на рассвете громадой сверкающего, только что расколотого сахара* (Паустовский 1983а. 62).

Заключение

Таким образом, опосредованный личным опытом пребывания в стране и художественным мастерством К.Г. Паустовского имагологический образ Персии в произведениях писателя создаётся широким спектром средств и способов визуализации, важнейшим из которых является закономерная взаимосвязь пространственной и темпоральной характеристик, формирующая персидский хронотоп, в котором пространство и время специфичны комплексной разносторонней характеристикой.

Включённость Персии в современный К.Г. Паустовскому хронотоп, подтверждает значимость страны в пространственной картине мира писателя и открывает перспективы дальнейшего изучения персидского хронотопа в его произведениях.

Автор статьи выражает глубочайшую благодарность за содействие Ирине Владимировне Поляковой, учёному секретарю Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского (Москва, Российская Федерация).

Литература

- 1- Гак В.Г. (2000). *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., Изд-во «Языки русской культуры».
- 2- Никитина Н.Ю. (2013). *Пространственно-временная структура рассказа К. Паустовского «Пыль земли Фарсистанской» // От текста к контексту*. 2013. № 1. Ишим. Тюмен. гос. ун-т. С. 52–58.
- 3- Паустовский К.Г. (1981). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 1. М., Изд-во «Художественная литература».
- 4- Паустовский К.Г. (1982). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 3. М., Изд-во «Художественная литература».
- 5- Паустовский К.Г. (1982а). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 4. М., Изд-во «Художественная литература».
- 6- Паустовский К.Г. (1982б). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 5. М., Изд-во «Художественная литература».
- 7- Паустовский К.Г. (1983). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 6. М., Изд-во «Художественная литература».
- 8- Паустовский К.Г. (1983а). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 7. М., Изд-во «Художественная литература».
- 9- Паустовский К.Г. (1984). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 8. М., Изд-во «Художественная литература».
- 10- Паустовский К.Г. (1986). *Собрание сочинений: в 9 т.* Т. 9. М., Изд-во «Художественная литература».
- 11- Паустовский К.Г. (2003). *Пыль земли Фарсистанской*. М., Изд-во «Мир Паустовского».
- 12- Сивова Т.В. (2013). *Пространство в романе К.Г. Паустовского «Романтики» // Лінгвістичні студії*. 2013. Вип. 26. Донецьк. Донецьк. нац. ун-т. С. 199–204.
- 13- Сивова Т.В. (2017). *Восточнославянское и китайское пространство в произведениях К.Г. Паустовского // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов*. 2017. Гомель. Гомельск. гос. ун-т. С. 158–160.
- 14- Фрумкина Р.М. (1984). *Цвет. Смысл. Сходство (аспекты психолингвистического анализа)*. М., Изд-во «Наука».

Bibliography

- 1- Gak V.G. (2000). *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv*. M., Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 2- Nikitina N.Ju. (2013). *Prostranstvenno-vremennaja struktura rasskaza K. Paustovskogo «Pyl' zemli Farsistanskoj» // Ot teksta k kontekstu*. 2013. № 1. Ishim. Tjumen. gos. un-t. S. 52–58.
- 3- Paustovskij K.G. (1981). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 1*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 4- Paustovskij K.G. (1982). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 3*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 5- Paustovskij K.G. (1982a). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 4*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 6- Paustovskij K.G. (1982b). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 5*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 7- Paustovskij K.G. (1983). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 6*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Paustovskij K.G. (1983a). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 7*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 9- Paustovskij K.G. (1984). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 8*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 10- Paustovskij K.G. (1986). *Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 9*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 11- Paustovskij K.G. (2003). *Pyl' zemli Farsistanskoj*. M., Izd-vo «Mir Paustovskogo».
- 12- Sivova T.V. (2013). *Prostranstvo v romane K.G. Paustovskogo «Romantiki» // Lingvisticheski studii*. 2013. Vip. 26. Donec'k. Donec'k. nac. un-t. S. 199–204.
- 13- Sivova T.V. (2017). *Vostochnoslavjanskoe i kitajskoe prostranstvo v proizvedenijah K.G. Paustovskogo // Tradicionnaja duhovnaja kul'tura vostochnoslavjanskih i kitajskogo narodov*. 2017. Gomel'. Gomel'sk. gos. un-t. S. 158–160.
- 14- Frumkina P.M. (1984). *Cvet. Smysl. Shodstvo (aspekty psiholingvisticheskogo analiza)*. M., Izd-vo «Nauka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sivova, T. (2019). Persia in the K. Paustovsky's Artistic Picture of the World. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 13, 155-172.

DOI: 10.29252/iarll.13.155

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/50>

ایران در تصویر ادبی از جهان ک. گ. پائوستوفسکی

تاتیانا ویکتورونا سیووا^۱

استادیار دانشگاه دولتی یانکا کویالا شهر گرودنو،

گرودنو، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی و مطالعه ویژگی‌های ادراک و توصیف اماکن ایران در آثار ادبی ک. گ. پائوستوفسکی، نویسنده مشهور روسیه در دوره شوروی که خلأ بزرگی در بررسی زبانشناختی توصیفات او از اماکن و مناطق جغرافیایی احساس می‌شود، می‌پردازد. برخی از نتایج پژوهش عبارتند از: ۱. مدل شخصی این نویسنده در توصیف ایران به گونه‌ای است که جنبه فرهنگی در این توصیفات بیشتر به چشم می‌آید. ۲. در مقاله حاضر به نام‌های جغرافیایی ایرانی به‌کاررفته در آثار ادبی این نویسنده پرداخته و نقش آنها بررسی شده است. ۳. ویژگی‌های تصویرسازی شخصی مجموعه‌ای از اماکن ایران بررسی و مطالعه شده که در آنها از طیف وسیعی از رنگ‌ها (بیش از ۴۰ واژه با مفهوم رنگ و نور) استفاده شده و از جهان بینی رمانتیک نویسنده نشأت گرفته و باعث تشدید ادراک جهان پیرامون نویسنده شده است. در مقاله حاضر به صورت ویژه‌ای به موضوع رابطه متقابل ویژگی‌های رنگ، مکان و سرعت در ایجاد تصویر ایماگولوژیکی از ایران پرداخته شده است.

واژگان کلیدی: تصویر ادبی از جهان، مکان، زمان، ایران، ایران باستان، سبگ فردی، ک. گ. پائوستوفسکی.